

Валка рос счастливым и улыбчивым. Одно его огорчало — прочерк в графе «отец». Это казалось ему величайшей несправедливостью. Но мать упорно твердила: отец — подводник, так бывает... Позднее всё понял: никакой он не подводник, а просто козёл.

Алевтина, женщина простая, маленькая и пышная, воспитывала сына в строгости. Знала: один он у неё, опора в старости. Валя был вполне послушным, спортом увлекался. Учился неплохо, но и способностей особых не наблюдалось, хоть и смышлёный.

Совсем не похож на мать: высокий, статный, пальцы длинные, как у пианиста, кудри русые. Видно, в породу отца пошёл. Поговаривали, был он командировочным. Диву давались: что нашёл красивый мужик в конопатою почтальонше? Покраше девки имелись!

Жили они в Свердловской области. Вале было тесно в маленьком провинциальном городке, даже Свердловск казался центром вселенной. Из «современных» построек — убогие, ободранные временем хрущёвки с протухшими от грибка лестницами и между ними покосившиеся деревянные домики с кривыми изгородями, в одном из которых Валя с мамой и обитали. Из развлечений — клуб, где показывали кино, которое привозили из центра, и по выходным устраивали танцульки. Стадион. Летом там играли в футбол, зимой заливали каток. Несколько спортивных секций,

школа и детский садик. Один универсам, торговые лавки, одна галантерея и пивной ларёк в самом центре. Столовка, где вечно подавали слипшиеся макароны и в большой кастрюле в кипятке плавали жирные сосиски, на подносе сухие котлеты с соусом странного ржавого цвета. Маленькая площадь у административного здания с незатейливой клумбой и белоснежным бюстом В. И. Ленина. По весне Ленина год за годом с усердием покрывали белилами, отчего он изрядно терял узнаваемость. А вокруг на много вёрст убогие деревеньки и уральские леса дремучие, кишасшие летом злющим комарьём. До Свердловска на машине два часа, на автобусе гораздо дольше, и ходят редко, не наездишься.

Мечтал Валентин о Питере, в Москву ехать боялся: большая, раздавит. Мать настояла: сначала армия, потом выбирать, куда ехать и чем заняться. Главное — мужиком стать. Валентин материнской воле не сопротивлялся, армия так армия. Правда, не хотелось ему мать одну оставлять. Бывало, задерживается она с работы — не ждёт, пока придёт, сам картошки начистит, салат настрругает, стол накроет. Полы мыл с усердием, своё постирает и развесит во дворе. Участок небольшой, но ухода требует. Картошку сажать помогал, и дом подлатать надо, совсем ветхий.

Провожали новобранцев всем городком. Одноногий сосед с баяном на костылях приковывался, датый слегка. Ему придавило ногу на стройке, и с тех пор промышлял своей игрой на баяне, кто сколько даст. Его из

жалости и на свадьбы приглашали и на поминки, хоть и не особый мастак был в своём деле. А вот выпить крепко любил, особенно когда жена ушла, топил своё горе в беленькой. Алевтина смотрит по сторонам, огорчается, у каждого парня невеста на шее висит, только её Валечка один, так и не нашёл себе девушку. Кто же ему кроме матери письмецо напишет, да и легче, когда зазноба дома ждёт, время летит быстрее. В автобус ребятаки садились, расплакалась.

— Ты что мать! Вернусь я в цельности и сохранности!

А у самого глаза на мокром месте, как у девчонки. С трудом собрался, только носом шмыгал и сопел, как бычок молодой.

Служилось на редкость легко. Офицеры любили его за выполнение устава и весёлый нрав, старшие пацаны не задирали: крепкий парень, держался с достоинством. Там Валя мужиком и стал — в полном понимании этого слова. Девочек любил страстно, но боялся. В кино ходит, погуляет, натискается, а как до главного — бежать сломя голову. Думал, вдруг осечка какая, позору не оберёшься.

Ольга, медсестра медсанчасти, была другая — пылкая, жаркая, взрослая.

Солдатики смеялись по-доброму:

— Кто-то остался, кто Ольгу не пробовал?!

Медсестра она была хорошая, опытная, но в остальном — слабая, не могла свой неуёмный темперамент

сдерживать, видно, всё от некрасивости: не хотела ни одного шанса упускать. А на Вальке сердце дрогнуло, полюбила она его всей душой, хоть и в сыновья годился.

Судьба у Ольги непростая вышла. Любила она, как медицинского спирта вмажет, о былой своей жизни рассказывать первому встречному. Выскочила замуж рано, вроде по любви неземной. Муж пил. Думала, перевоспитает. Не получилось, бить начал. Дикий, неуправляемый, как напьётся. Сын у них родился недоношенный, больной совсем. Врачи сами предложили оставить, такие не живут долго, порченный, одним словом. Тяжело ей было от сына отказаться, а видеть его ещё тяжелей. Да и муж сказал, что ему такое чудо не надо, позор один. Мать уговаривала, нельзя ребёночка бросать, грех большой. Ни в чём дитя не виноватое. Сколько Бог даст, столько и проживёт. Не послушалась Ольга, долго слёзы лила, на детей смотреть не решалась. Душа переворачивалась. Потом мужа Бог прибрал. Напился в очередной раз лютой зимой и свалился, не добравшись до дому. Ночь стояла, никто мимо не проходил. Рано в таких местах люд спать ложится. Так и окошел на морозе, точно собака бездомная. По нему Ольга слёзы не лила. Приняла как освобождение от всех своих бед. Только попивать начала. Сначала с подружками, а потом и в одиночку могла. Человеческий вид не теряла, иногда по месяцу ни капли. Выпьет крепко, на следующий день мужа своего вспоминает, и тяга к алкоголю вмиг пропадает. Второй муж не лучше оказался. Изменник. Направо-налево ходил, мимо ни одной юбки пройти не мог.

Сам ушёл к другой. Ревность Ольгу не душила, знала, и эту бросит. Порода такая, скотская. Одна осталась — устроилась в воинскую часть. Внимания со стороны солдатиков хоть отбавляй, кто ж устоит. И понеслось.

Валя поначалу боялся её люто, вскоре привык и к ласкам, и к словам нежным, порой симпатичной казалась — видно, от любви своей расцветала. Он знал: рано или поздно встретит свою настоящую любовь, правда, много требований у него было: красивая, неглупая, и чтобы из благородной семьи, и отец был, и гордиться ею мог.

Считал, что все, кто без отца воспитываются, вроде как недоделанные, ущербные. Обидно становилось, когда обзывали его нагулянным или того хлеще. Дети в их городке с малолетства матом изъяснялись. Никто на это внимания не обращал, даже женщины этим грешили и ничуть не стеснялись крепкого словца. Но тогда совсем мальцом был и за себя постоять не умел. Постарше стал, никто из мальчишек не решался эту тему трогать. Сразу в морду давал. А бил он крепко. Мать не ругала. Покачает головой, прикусит губу и промолчит. По таким вещам в школу не ходила, узнавать, кто прав, кто виноват. Однажды не выдержала и сказала — нет твоей вины Валя, на мне она лежит. Только ничуть не жалею. Верни время назад, так же бы поступила.

В армии Валентин друга нашёл близкого и надёжного. Семён, щуплый очкарик из ленинградской интеллигентной семьи, покорила сердце Валентина. В нём было

то, чего так не хватало ему и к чему он неосознанно стремился. Они стали необходимы друг другу.

Валя как коршун защищал друга-ботаника от нападок дерзких дембелей, хотя тот и сам мог договориться с самим чёртом.

Семён попал в армию по твёрдому убеждению отца, уважаемого профессора, доктора исторических наук. Сёмка любил жизнь красивую. А на достойную жизнь нужны были бабки, и он знал, как их заработать, — фарцевал, да и валютой не брезговал.

Отец не понимал, за что такое наказание? Но сильно не ругал, в шутку называл «позором семьи» и регулярно отмазывал в милиции — связи имелись. Верил, что однажды блажь пройдёт и станет Семён человеком. Нет-нет да и вспомнит, что сам не подарком был. Лет в двенадцать подговорил одноклассников хлопушки в школу на урок математики принести и одновременно хлопнуть. Математичку никто не любил, несправедливая, но зачинщиком являлся именно он. Учительша чуть в обморок не упала, долго в себя прийти не могла. А его после разбирательства хотели из школы отчислить за хулиганское поведение. Директриса была уверена, что без его участия никто бы не решился на такой гнусный поступок. Благо тогда отец помог, как и он, вечно горой за своего Сёмку.

Валентин слушал байки друга, затаив дыхание: и про девочек, на которых Сёма денег не жалел, заваливал

подарками, и про застолья с икрой и шампанским. Сам Валя такого и в глаза не видел.

Да и в армии Сёма не терялся, всегда находил возможность свалить до утра, приплатив дежурному офицеру, или купить увольнительную у командира роты за деньги или продукты с сигаретами. А деньги у него всегда водились, друзья грели. Вот что умел Семён, так это заводить друзей. Порой к самому неприступному дорожку правильную найдёт, словом или делом. Никогда не крысятничал и делился тем, что отец присылал по особому дозволению начальства. Один упёртый нашёлся, борзый. Невзлюбил Семёна за исключительное положение. Так Сёма полгода потратил, окучивая его. Парень сдался, признал его равным и перестал задирать.

Семён дембельнулся первым. Слегка приобнял Валу на прощание и похлопал по плечу:

— Давай, брат, отслужишь — жду! Такие дела закрутим! Видишь, как в стране всё меняется, только успевай.

Валентин понимал, что Сёма — его лотерейный билет, вход в новую жизнь. Все провожали Семёна с грустью, от новобранцев до старожилков. Скрашивал он нелёгкую жизнь солдатиков. Даже Ольга-медсестра повисла у него на шее и ревела белугой. Наверное, потому, что скоро и её Валечка вот так же соберёт свои пожитки и растворится в свободной жизни, подальше от её опеки. А ведь как она только не старалась его к себе приручить. И кормила сытно, и спирта отливала

вдоволь, и утехам придавалась со всей страстью, на которую была способна её израненная душа.

Домой Валя вернулся другим.

Алевтина поняла: перечить сыну не с руки, всё равно уедет. Угрюмый стал, что-то всё решает, в голове крутит. Иногда задумается, кличет она его, кличет, а он не реагирует. То ли здесь, то ли нет. Если бы в Свердловск отправился, она бы и слова не сказала. А Ленинград далеко, на автобусе не доедешь. Горе, одним словом. Не знает, как с этим смириться. Какие слова найти, чтобы отговорить.

— А как же я, сынок?!

— Как-как, молча... На ноги встану, к себе перетащу, не сомневайся. И заживём мы с тобой... Всё для тебя сделаю!

Она знала: как сказал, так и сделает, и поутру с дальним родственником укатила в Свердловск на поиски гражданского, ничего не сказав Вале — против будет. Страну уже наводняли модные заграничные шмотки, а может, и не модные вовсе, и шились за углом, но народ брал, устал в отечественном ходить. Алевтина давно откладывала, думала, Вальке на свадьбу, а тут такое дело — сын в Питер едет, снарядить надо, да и проводы устроить достойные, народу-то много, всех звать придётся.

Валя с дружками гулял, портвейн дешёвый пили за встречу, домой пришёл — мать счастливая, а перед

ней чудо-стопка вещей невиданных: и джинсы, и костюм спортивный, и футболки заморские...

— Мам, ты что??? — А у самого ком в горле, то ли от счастья, то ли от обиды за мать: всю жизнь вкалывала, себе во всём отказывала, давно на женщину перестала походить от бабской безысходности.

— Ничего, дай срок, у меня как королева ходить будешь! — лепетал Валя от смущения, расчувствовался больно.

«Дело делать надо, а не сопли распускать». Проглотил горький ком в горле, и такая в нём уверенность зародилась, что ни о чём думать больше не может, как только о скорейшем отъезде, точно промедление смерти подобно.

Попрощаться с Валентином многие пришли. Мать даже приревновала чуток. Это же такое личное, сына в дальнюю дорогу проводить. Хотелось с ним наедине остаться. Слова напутственные сказать, расцеловать, к груди прижать. К чему такие проводы — кто на гитаре бренчит, кто бутылку водки по кругу пускает. На мать времени не осталось. А нюни при всех распускать неудобно как-то. Вот и стояла она с глупой улыбкой, скрестив руки на груди, чтобы волнение скрыть. Когда обнял на прощание, не выдержала, уткнулась в него и завывала от боли сердечной. Один-единственный, счастье её ненаглядное.

Долго вслед автобусу махала. Уж не различить его вовсе, а она всё машет и машет и слёзы с лица утирает.

Выхватила бутылку водки из рук дружка его близкого, сделала два больших глотка, выдохнула, утёрла рот тыльной стороной ладони и улыбнулась. Что это она за рёв устроила, коли её сын за счастьем едет. Радоваться надо. Всех, кто смог, к себе домой пригласила. Картошки с салом нажарила, банку огурцов солёных открыла, капусту квашеной в миску положила, маслом подсолнечным залила, колбасы докторской нарезала. Провожать — так весело, пусть и нет больше её Валечки за общим столом.

Семён встречал друга лично, приехал на какой-то развалюхе. Правда, Валька аж присвистнул от удовольствия: встретил, да ещё и на колёсах!

Узнать Семёна было сложно. Стиляга да и только. И манеры другие. В армии старался на всех походить, чтобы не отличаться особо. А тут чисто аристократ, и разговор другой, витиеватый, красивый. Обнял по-прежнему тепло и сердечно. По всему было видно — рад безмерно.

— Сём, а жить-то мне где? Ума не приложу... Может, угол какой снять? Мать денег подбросила, а там, может, и работу найду...

— Какой угол, Валёк! Ко мне жить поедешь, я уже и своим сказал. Только ты на них не обращай внимания, пережитки прошлого они у меня, но не вредные — тоже хлебнули по самое не могу по своей еврейской линии.

Валя знал, что Семён — еврей, но что это значит, до конца не понимал.

Все его знания сводились к тому, что если еврей, то обязательно хитрый, и все беды от них; правда, про Семёна такого не сказал бы, хитрый, конечно, зараза, так это, видно, от ума, а не от злого умысла.

Приняли его хорошо, похоже, Сёма какую-то жалостливую историю наплёл, уж больно внимательны были — и сына единственного любили, и всё, что с ним связано. «Вот тебе и евреи! — думал Валентин. — Завидуют им люди. А то, что Христа распяли, так он вроде тоже евреем был».

Всё устройство их дома и жизни удивляло Вальку, начиная с накрытого на завтрак стола и до вечерних ужинов с бесконечными спорами о политике, искусстве и других житейских делах. Валька многого не понимал, но интерес имел огромный, особенно когда Генрих Давыдович рассказывал всякие исторические байки, в которых шарил не по-детски, профессор всё-таки! «Это ведь как генерал в армии, а может, и выше!»

Мама Семёна играла на скрипке в каком-то оркестре, Валька толком не знал, в каком, но видно, что не в простом, раз часто уезжала на гастроли за границу. Туда кого ни попадя не отправляют честь страны защищать. Вот он вряд ли когда там окажется.

Любовь Исааковна — маленькая, хрупкая дама с трогательными завитушками на голове, с небольшой горбинкой на носу, на котором восседали не по размеру очки в роговой оправе, и с постоянной полуулыбкой на лице — олицетворяла саму доброту. Она резко

контрастировала с суровым на вид Генрихом Давыдовичем. Только это было напускное, и в доброте он ничуть не уступал супруге.

В доме всегда суежилась немолодая женщина Светлана Ивановна. Они называли её помощницей, а не прислугой, что вызывало у Валентина чувство уважения к этой почтенной паре. Светлана Ивановна своя, из простых, чем-то мать Алевтину напоминает. Но с манерами, видно, в профессорском доме научилась: и всегда гладко причёсана, и передничек белый накрахмаленный. Пахнет зефиром, иногда блинчиками, а то и клубничным вареньем.

Генрих Давыдович — человек обстоятельный, спорить бесполезно:

— Погуляйте немного и в институт со следующего года.

— Семёну что? Башка умная, а я-то куда? Смогу ли?! — сомневался Валька.

— Сможешь, — убедил Генрих Давыдович и улыбнулся. — Поможем, на подготовительные пойдёшь, я устрою. Ещё и Сёмкиной башке, как ты говоришь, фору дашь.

Нравился ему Валентин, и за сына спокойно было: прикроет, если что, времена сложные.

Валю решили в Финансово-экономический засунуть, а Семёна в Университет на юридический, сам пожелал.

— Я должен знать законы и знать, как их обходить, — смеялся дальновидный Сёма.

Сёма быстро освоился после армии, стал думу думать, деньги нужны. Страна трещала по швам, бурлила, как встревоженный вулкан, доживая по старым правилам. Дружки надёжные тему подкинули — «матрешечный бизнес».

В СССР продукция народных промыслов: палехские шкатулки, гжельский фарфор, жостовские подносы, хохлома, павловопосадские платки — всё строго шло в валютные магазины «Берёзка», на прилавки попадала лишь маленькая часть. Вот эта маленькая часть и доставалась «матрешечникам» через своих людей из торго, за долю малую — иностранцы всё скупали, спрос был огромный.

Учёба Валентину давалась нелегко, особенно в первый год. Чужим он себя чувствовал, трудно приживался, но упорно и с надеждой, а деньги «матрешечные» радовали, и матери исправно посылал — скучал по ней невыносимо. Мать часто к нему во сне приходила. Сидит за столом, подперевши рукой щеку, и смотрит на него ласково. Лицо всё в мелких морщинках-бороздках, а глаза лучистые, молодые-молодые. На столе в миске пельмени, её руками слепленные, сверху большой кусок масла тает, из стороны в сторону перекачивается. То на речке жарким летом сидят на бережку. Он малец совсем, чуб белый выгоревший. Она, как обычно, в платочке цветастом назад повязанном, соломинку во рту держит и пожёвывает. Привычка у мамы такая,

сколько себя помнил. Разные сны снились. Такие реальные, что просыпался среди ночи, не понимая, где он, в Ленинграде или у себя на Урале. На расстоянии родные места уже не казались такими скучными и безликими, одна природа чего стоит. Да и люди в целом хорошие, не подлые, работающие и весёлые. Вроде скромно живут, но спроси: «Как жизнь?» — ответят: «Всё хорошо, слава богу».

Алевтина гордилась и местным рассказывала, как сын её в люди выбился, учится в институте и работает, только не свидеться пока, может, к лету приедет.

А летом закрутило друзей: ленинградское лето особенное, ночи белые, девчонки в коротких юбках. На каждой скамеечке в парках влюблённые целуются. Компании собираются, пиво пьют и под гитару поют. Толпы молодёжи спуют по центру. Мосты под радостные возгласы разводятся. Дурман сирени с ума сводит.

— Валь, надо квартиру тебе снять. Будешь жить как свободный человек. И я, если что, остаться смогу, и тёлки... Сам понимаешь...

Валя мягче был, не мог девчонок так называть, хоть и непостоянный, до всех охочий после опыта с Ольгой-медсестрой, но к женскому полу с уважением, даже если на раз. Девушки думали: ну всё, влюбился, на крючке, а его и след простыл.

Сёма баб презирал, дешёвками продажными называл, а они к нему липли, чувствовали, что при деньгах, щедрый и толк из него будет. Семён понимал время, чуял

наживу, фартовый был, всем занимался: спиртное, компьютеры — деньги рекой потекли.

В страну хлынул поток дерьма, который продавали втридорога. Невиданные яркие упаковки манили обывателей. Девтора выпрашивала у родителей банку чипсов, чупа-чупс, киндер-сюрприз или жвачку, из которой надували шары и соревновались, у кого шар больше или щелчок громче, когда лопнет. На улицах замелькали иномарки всех мастей. Тюнингованные, с затемнёнными стёклами сновали отечественные лады. Наиболее дерзкие снимали глушитель, рёвом и рыком автомобилей пугая прохожих. Особым понтом было включить импортный магнитофон на полную мощность, открыть окна и проехаться по центральным улицам города. Новые времена — новые порядки. Открылись границы.

— В Германию поедем, тачки приличные купим, подержанные, сами пригоним...

— Ты что, Сём, двинулся? Посмотри, на каких ребята рассекают! И ехать никуда не надо, сюда пригоняют.

— Валь, знаю я этих ребят. Морды бандитские! Дармоеды с барсетками. Пусть на ворованных ездят, крутых ослов изображают за три копейки. Я за эти деньги скромнее возьму, зато честную. Вот посмотришь, скоро будут свои тачки тёмные с перебитыми номерами от ментов прятать.

Как в воду глядел. Недолго фраера кайфовали. Начались облавы на ворованные машины. Их в основном

из Германии гнали. Менты себе новую наживу придумали, за деньги, и немалые, приходилось тачки выкупать.

А братков не любил Сёма, с трудом терпел. Быдлом называл. Серые, необразованные, понаехавшие со всех городов. Злило его, с каким упорством они стремились к красивой жизни, жрали чёрную икру ложками в ресторанах и носили аляповатые пиджаки с тяжёлыми золотыми цепями на шее, а то и с крестами, безбожники. Рангом пониже в спортивных костюмах с кожанками рассекали, моду свою повсеместно ввели. Не разберёшь, где кто.

Удивлялся, как они с головами боксёрскими, отбитыми такую иерархию в своих рядах учредили, как в армии. Всё под свой контроль норовили взять, всех крышеваться принуждали, а недовольных избивали, а то и жизни лишали. Жестокость невероятная царила. Больше всех бизнесменам доставалось и девчонкам симпатичным. Любую на улице дёргали и в машину к себе тащили, мало среди бандюг благородных было, но случались. Почему-то часто на проститутках женились, идеальный союз — бандит и продажная девка. Что-то родственное, видно, в друг друге находили. А девочки из хороших семей их избегали, за что тоже порой отгребали по полной.

Первый раз поднаехали на Семёна в модном ресторане. За девчонку малолетнюю вступился.

— С кем работаешь? Что такой борзый, попутал что?!

— С Валькой, — не растерялся Сёма. — С Валькой Уральским.

Произнёс он это с такой вызывающей уверенностью, что пацаны только переглянулись, вытянув морды, не решаясь спросить, кто это. Валентин быстро нашёл общий язык с пацанами, да и свердловские промышляли в Питере, приняли его — правильный парень, глаза не бегают.

— Валька Уральский! Ничего я тебе кличку придумал! — давился от смеха Семён.

Валентина к себе звали многие группировки, обещали жизнь лёгкую. Ни к кому не захотел, но на бокс пошёл — пригодится.

Алевтина уже несколько раз наведывалась в Ленинград, таща всякую снедь любимому сыну. Валька мать баловал, по бутикам питерским таскал.

— Куда мне всё это? Да и не шьют такое на коров!

Валя силком запихивал её в кашемировый светлый кардиган.

— Ну марки ж!

В ресторанах Алевтина шёпотом спрашивала:

— А сколько это стоит?

Если узнавала, то до утра на чём свет поносила хозяев, называла их гадами и кровососами. Валя мать огорчать не хотел, врал порой, отходил рассчитаться и молчал тупо, глаза отводил, если она со стола под-

бирала, что не доела, в салфетки трепетно заворачивая, — понимал мать.

— Женишься-то когда? Внуков хочу. Что так долго выбираешь?

Одной зимой решили с Сёмой в Доминикану смотаться — экзотика!

— Валь, отель возьмём на уровне и бизнес-классом полетим. Надо к хорошей жизни привыкать. Только я не один полечу... С тёлкой одной, с Маргаритой.

Маргарита — высоченная и тонкая — полностью соответствовала вкусам времени. На Валентина впечатления не произвела, любил маленьких, ладненьких, да и раздражала его, мешала отдыхать — прилипчивая. Ни на шаг от Семёна. Они по делам сядут поболтать — с дурацкими вопросами лезет. В картишки перекидываются, на шее у Сёмки повиснуть норовит. Ласки кошачьи, взгляд вечно подобострастный. Как есть безмозгляя!

А Семён ходил гордый. Маргарита была его находкой. Выкопал в каком-то спальном районе, в тьмутаракани, голосовала на дороге. Приодел, отмыл от краски дешёвой, и вот — модель да и только.

— Сём, а ничего, что она двух слов связать не может?

— Брат, так это её главное достоинство. Зачем мне баба умная. Мне что с ней, кроссворды отгадывать?!

Он всерьёз увлёкся преображением Маргариты. Наряжал точно новогоднюю ёлку и получал невероят-

ное удовольствие, когда выводил своё детище в свет, наблюдая, как мужики сворачивают головы. Нужно отдать должное — Маргарита дешёвкой не была, по сторонам не пялилась. Верная. И всему училась быстро. Вкус природный имелся и, главное, упорство. Генрих Давыдович выбор сына не одобрял, был вежлив, но угрюм, когда сын в очередной раз тащил её в гости на семейный ужин. Не понимал он такой красоты на одну извилину.

Проезжал как-то мимо дома сына, заехал без звонка, а там она хозяйничает словно у себя дома. Семён тогда лишь улыбнулся и попросил её чай накрыть. Посидели поболтали. Вернулся домой, всё жене рассказал.

— Ничего страшного, Генрих. А то одна за другой сменяются, дня не пройдёт. Правда, и эта Маргарита ненадолго задержится. Можно подумать, ты Семёна не знаешь. И в кого он такой уродился?!

За Генрихом Давыдовичем самим грешки водились, особенно когда помоложе был, поэтому быстро разговор на другую тему перевёл. Дела давно минувших лет, что об этом вспоминать. Правда, на его отношения с Любочкой это никогда не сказывалось, умел следы замести, ловкий, но женщин любил, как и любой мужчина его национальности. На серьёзные отношения никогда не шёл, чуть что, бежал без оглядки.

Семён мозг, Валька — при нём. Всё пополам, всё на двоих. Транспортную компанию открыли, к недвижке стали приглядываться.

— Сейчас торговые площади надо брать, потом всё поделят, самое время суетиться, Валёк, — говорил Сёма. — Отдыхать на пенсии будем, на своём острове с мулатками!

Любил он баб красивых и чтобы непременно с длинными ногами, как в журналах.

Купили квартиры элитные на одной лестничной клетке на Васильевском острове. Евроремонт забахали достойный. Маргарита к Сёме окончательно переехала со всеми платьями да сумками, что подарил. Семёна всё устраивало: молчит, вопросы не задаёт — где ты? с кем ты? — хоть на сутки пропади, хоть на неделю. Главное, замуж не тянет, понятливая. Знала: если и бросит, то без содержания не оставит, пока другого кормильца не найдёт. Только не нужен ей другой, полюбила она Семёна сильно, всей душой, как на бога смотрела.

Обожал Валентин ездить к Сёмке на дачу, душевно, домашнему. На рынок сам шёл, выбор мяса на пельмени не доверял никому, и фарш сам делал, и пельмешки крутил — ровненькие, один к одному, благо мать научила. Генрих Давыдович с супругой были чрезвычайно благодарны, где ещё таких настоящих отведаешь? А то всё шашлыки да шашлыки.

Марго не брали — без объяснений. В городе с ней куда ни шло, а на даче — святая святых. Что старикам кровь пить? Не принимали они её, особенно Генрих Давыдович.